

шимъ гражданскимъ законамъ,—по той простой причинѣ, что при изданіи этихъ законовъ крестьянство составляло еще частную ответственность помѣщиковъ и казны, и слѣдовательно не могло еще войти въ сферу дѣйствія общаго гражданского законодательства.

При совершенно другихъ условіяхъ предпринято теперь составленіе новаго гражданского уложенія. Дворянство, для котораго прежде только и писались законы, потонуло въ общей массѣ русскаго народа. Сословныя перегородки исчезли, и классъ свободныхъ сельскихъ обывателей, по числу и значенію, составляетъ главнѣйшую силу государства, основу всего общественнаго быта Россіи. Прежніе законы издавались для Россіи помѣщицѣй, крѣпостной; теперь приходится составлять законы для Россіи преимущественно крестьянской. Общие законы примѣняются уже не къ отдѣльнымъ привилегированнымъ сословіямъ, а ко всему населенію вообще. Общерусское гражданское право сдѣлалось уже возможнымъ и необходимымъ. Законодательство должно принять новый общенародный характеръ; оно выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ сословности и направляется по широкому теченію народнаго правосознанія. Законъ долженъ, наконецъ, выражать собою именно то, что составляетъ жизненную сущность права; онъ долженъ вытекать изъ живущихъ въ народѣ понятій о правѣ, изъ потребностей и условій народнаго быта. Для новыхъ условій нужны новые законодательные приемы. То, что годилось для нѣсколькихъ милліоновъ привилегированнаго населенія, при безправности народной массы,—те никакимъ образомъ не можетъ годиться для многомилліоннаго народа, съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ, съ старинными обычаями и особенностями. Вотъ почему составители новаго уложенія должны меньше всего руководствоваться системою прежняго законодательства и прежнихъ опытовъ кодификаціи,—вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ нашихъ юристовъ.

Дѣйствующіе нынѣ гражданскіе законы составляютъ для крестьянства большею частью враждебную силу; они служатъ въ опытныхъ рукахъ оружіемъ противъ сельскаго населенія, опутывая его недоступными формальностями и строгостями, часто роковыми для крестьянъ. Понятно поэтому, что народъ привыкъ относиться къ закону съ особымъ чувствомъ боязни и недовѣрія. „Гдѣ законъ, тамъ и обида“, говоритъ народъ. По народному взгляду, законъ существуетъ только для выгоды сильныхъ и ловкихъ людей; эта мысль выражена между прочимъ въ поговоркѣ: „законъ, что паутина,—шмель проскочитъ, а муха увязнетъ“. Или—„законъ, что дышло, куда поверотишь, туда и вышло“¹⁾. Такой взглядъ, конечно, вполне есте-

1) См. Оршанскаго, „Обычный судъ и народное право“.